

УДК 34.05

DOI 10.34076/2658-512X-2020-5-32-47

Корнева Марина Михайловна (mmkorneva@edu.hse.ru)

ORCID: 0000-0001-6602-6519

Студентка Факультета права Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»**Marina M. Korneva**

ORCID: 0000-0001-6602-6519

National Research University Higher School of Economics
Faculty of Law, Student

Научный руководитель:

Подмаркова Анна Сергеевна

Старший преподаватель

департамента дисциплин частного права

Anna S. PodmarkovaNational Research University Higher School of Economics
Faculty of Law, School of Private Law, Senior Lecturer**Сравнительно-правовой анализ траста и наследственного фонда в Англии и России**
Comparative legal analysis of the trust and inheritance fund in England and Russia

Для цитирования: Корнева М. М. Сравнительно-правовой анализ траста и наследственного фонда в Англии и России // Уральский журнал правовых исследований. 2020. № 5. С. 32–47. DOI 10.34076/2658-512X-2020-5-32-47.

For citation: M. M. Korneva, 'Comparative Legal Analysis of the Trust and Inheritance Fund in England and Russia' Ural Journal of Legal Research, 2020, No. 5. pp. 32–47. DOI 10.34076/2658-512X-2020-5-32-47.

Аннотация: Статья посвящена истории развития, современному состоянию и требованиям к созданию трастов, правовому положению наследственного фонда и пробелам в российском законодательстве. Автор отмечает, что траст и наследственный фонд имеют схожие конструкции, но направленность траста шире, чем у наследственного фонда. Автор приходит к выводу, что введение личных фондов максимально приблизит данные институты.

Ключевые слова: траст, наследственный фонд, доверительная собственность, завещание, решение о создании наследственного фонда, устав наследственного фонда.

Abstract: The relevance of the article is due to the introduction of the institute of inheritance fund into the Russian legislation, which is a transformation of the institution of trust. The article pays attention to the history of development, the current state and requirements for the creation of trusts, the legal status of the inheritance fund and legislative gaps. Trust and hereditary fund have similar structures, but the focus of the trust is wider than that of the hereditance fund. It seems that the introduction of personal funds will bring these institutions as close as possible.

Keywords: trust, inheritance fund, trust property, will, decision to establish the inherited fund, statute of the inherited fund.

Траст является распространенным явлением, известным не только английскому праву. Развитие экономических отношений обусловило его формирование в различных юрисдикциях.

Если законодательство стран общего права позволяло применять траст в неизменном виде, то страны континентального права вводили аналоги института траста с помощью законодательных инструментов. Тем не менее, на данный момент траст можно считать распространенным инструментом для распоряжения активами (как недвижимостью, так и бизнесом). Соответственно, понятие траста имеет важное значение для понимания как самого института, так и механизма его работы. В силу его особенности, как английского института, для заимствования или применения подобного в странах континентального права необходимо понимать важнейшие аспекты траста.

В России в 2018 году вступили в силу нормы о наследственных фондах. Многие юристы отмечают, что наследственный фонд является формой траста в российских реалиях. В то же время существует ряд особенностей, которые, на первый взгляд, не сопоставимы с институтом траста. Кроме того, наследственный фонд является новой организационно-правовой формой юридического лица: его правовой статус, порядок создания, управления и ликвидации вызывает много вопросов.

Институт траста начал формироваться в Англии задолго до его закрепления Парламентом. Фактические отношения начали складываться еще в XI-XII вв. после Нормандского завоевания, следствием которого стало установление *common law* (общего права) на территории Англии, которое заменило разрозненные старые законы.

Право собственности в соответствии с установленными нормами имело достаточно жесткие рамки. Во-первых, собственники земельных участков не могли передавать имущество по наследству или иным образом распоряжаться им на будущее. Во-вторых, законами был ограничен круг лиц или организаций, которые могли выступать собственниками земельного участка. В силу необходимости преодоления данной законодательной конструкции сложился институт траста или «*use*», именно такое название он носил в то время [1, с. 6]. С помощью такой конструкции собственник участка передавал лицу обязанность владеть землей за счет и в пользу третьего лица. Такого собственника стали называть *feoffor* или даритель недвижимости; бенефициаром от использования такой конструкции мог быть как сам собственник, так и третье лицо, его называли *cestui que use*; а лицо, которому передавалась земля во владение в пользу бенефициара, именовалось *feoffee to use* или, в переводе, «закрепощенный в пользу» [2].

В Англии в Средние века институт получил широкое распространение. Его начали использовать уже не только с целью передать владение лицам, которые не имели права владеть землей (например, монашеские ордена, замужние женщины и тому подобное), но и в качестве обстоятельства, исключающего налог на наследство [1, с. 6].

Н. В. Соколова отмечает, что новое развитие *use* получил вследствие многочисленных крестовых походов. В XIV веке данный институт обретает свой легальный статус; у бенефициара сформировалось право на иск к *feoffee*. Лица, во владение которых передавался земельный участок, могли не исполнять обещание, данное собственнику такого участка; но собственник не мог обратиться с иском в суд для защиты своего права. Практика по разрешению таких дел зародилась в суде лорда-канцлера, который мог посредством специального приказа принудить *feoffee to use* к исполнению обязанности по владению землей. При этом лорд-канцлер признавал *feoffee to use* владельцем земли, но отмечал, что такое владение должно осуществляться в интересах бенефициара. Такая практика привела к созданию концепции права справедливости независимо от доктрины владения общего права [3, с. 59].

Позднее право на иск к *feoffee* трансформировалось в вещно-правовой интерес лица, и, соответственно, интерес бенефициара толковался как форма собственности. На данном этапе *use* приобрел защиту не только от действий *feoffee*, но также и против любых приобретателей, знавших о существовании такого интереса, и лиц, к которым право на имущество перешло

безвозмездно. Однако в качестве исключения, действующего и сейчас, если такой титул переходил за плату, то право бенефициара не могло быть принудительно реализовано. Кроме того, в рамках права справедливости институт *use* получил развитие, которое было невозможно по общему праву: например, создавать имения в пользу третьих лиц, а не отчуждателя или не ограничивать временные рамки *use*, иными словами, будущее имение могло создаваться в пользу любых лиц и не ограничиваться или ограничиваться любыми временными рамками, а не только продолжительностью жизни собственника.

Данные действия привели к тому, что в конце XIV века возникла так называемая «справедливая собственность», а защита стала осуществляться не только в отношении недвижимых, но и движимых вещей. Следствием развития института *use* стало развитие института частной собственности и свободы договора, которое происходило без разрушения существовавшей системы общего права [3, с. 62].

Статут короля Людовика «The evil consequences of uses» («Отрицательные последствия пользований»), изданный в 1535 г., с одной стороны, ограничил существование *use* в праве справедливости, а с другой – стал отправной точкой для развития *use*, а в последующем и траста в общем праве. Иными словами, Король заявил, что институт *use* изначально возник с целью обмана и не достоин существования, но в то же время отметил, что закон направлен не против института *use*, а против раздвоения собственности. Следствием данного закона стала возможность применения правила справедливой собственности к собственности по общему праву. Закон касался только земель и не затрагивал движимое имущество или денежные средства, которые на тот момент не представляли собой экономически важный актив для короля. Результатом принятия данного акта явилось расщепление права собственности, которого не удалось достичь в римском праве: собственниками признавались и бенефициар – по праву справедливости, и лицо, которое должно было управлять имуществом – по общему праву [4, с. 184].

Кроме того, в связи с тем, что статут не был принят большинством населения, суды толковали его положения крайне гибко: в результате такого толкования *uses*, которые прямо не подпадали по действия закона, то есть *uses upon uses*, были сохранены, но стали толковаться как траст: это были *use* по отношению к движимому имуществу и денежным средствам, а также *use*, в которых активную роль играл сам бенефициар (*feoffee*). Как отмечает Н. В. Соколова, сделка *use upon use* представляла собой распоряжение, в «силу которого собственник передавал имущество первому доверительному собственнику в пользу первого бенефициара, который выступал доверительным собственником второго бенефициара. В силу упразднения института *use* данное распоряжение привело к тому, что первый бенефициар становился доверительным собственником в пользу второго бенефициара» [2] – такое толкование было закреплено в середине XVI века, что и послужило перерождением конструкции траста, а также последующего его активного использования.

Проблемным аспектом института траста является момент его появления. В частности, Д. Д. Скорик отмечает, что в XV веке возник аналог современного траста «*feoffmenttouses*», который применялся для преодоления сложностей наследования земельных участков [5]. Схожую позицию поддерживает В. Б. Паничкин: в частности, ученый связывает появление трастов с запретом действия *use* [3, с. 65]. Иной позиции придерживается Н. В. Соколова, которая утверждает, что институт траста существовал параллельно институту *use*, отличаясь только более активной ролью *feoffee* в трасте [2]. Еще более интересной является точка зрения Маурицио Лупои, который утверждает, что траст не является исключительно английским институтом; по его словам, английские канцлеры опирались на опыт гражданского континентального права XIII–XIV вв., в частности, на институты фидеикомисса и фидуции. Однако, аргументируя свою точку зрения М. Лупои, не ссылается на релевантные источники [6].

В последующем траст стал использоваться не столько с целью избежать бремени несения повинностей или ограничений свободы завещания, сколько в благотворительных целях или для ведения предпринимательской деятельности. Развитию траста среди «предпринимателей» способствовали существовавшие в то время ограничения: создание юридического лица требовало получения специального акта Парламента или королевской хартии. В связи с необходимостью преодоления таких ограничений собственники стали передавать имущество в доверительное управление физическим или уже существовавшим юридическим лицам, а суды, в последующем, стали признавать такие отношения. Стоит отметить, что с XVI века до конца XIX века единственным актом, регулирующим траст, был закон о благотворительных трастах. Соответственно, регулирование и защита трастов в большей степени строились на судебной практике, присущей общему праву. В 1893 г. Парламент издал Trustee Act (Закон о доверительной собственности). В период с конца XIX века до настоящего момента был издан ряд законов, регулирующих отношения доверительного управления – Закон о доверительной собственности 1925 г. (The Trustee Act), Закон об инвестиционных трастах 1961 г. (The Trustee Investments Act). На данный момент основным актом, регулирующим отношения доверительного управления, является Закон о доверительной собственности 2000 г. (The Trustee Act).

Таким образом, до сих пор нет единой точки зрения о природе происхождения траста: он является институтом, сформировавшимся после запрета use, или развившимся вместе с use, но имеющим другие черты. Кроме того, развитие институтов use и траста было обусловлено экономической необходимостью, но в тоже время почти тысячелетнее их существование является свидетельством прижившейся формы оформления отношений по доверительному управлению как недвижимостью, так и иными активами.

Несмотря на длительность существования института траста, до сих пор не существует легального понятия траста: ни в законодательстве, ни в судебной практике Англии. В доктрине выработано несколько подходов к пониманию данного института. В действующем Законе о доверительной собственности 2000 г. также не раскрывается понятие траста, более того, отсутствуют признаки, характерные для траста.

В английской доктрине траст, прежде всего, понимается как добровольно и добросовестно принятое на себя обязательство [7]. Однако необходимо учитывать специфику общего права. Как и в отношении траста, английское право не знает легального определения обязанности, однако обязанность рассматривается как то, что корреспондирует праву, которое принадлежит иному лицу. Такой подход существовал не всегда, в частности, в начале XX века была весьма распространена позиция, в соответствии с которой траст определялся как «справедливый квази-контракт», который должен был быть инструментом против несправедливого обогащения [8].

Например, Э. Дженкс отмечает, что под доверительной собственностью (трастом) понимается «добросовестно и добровольно принятое на себя обязательство, но которое закон принуждает выполнять, если оно уже принято, – а именно добросовестно владеть и управлять собственностью в интересах другого лица или других лиц» [7]. Аналогичный подход при определении траста через обязательство использовал А. Андерхилл: «Траст – это обязательство, возникающее по праву справедливости и связывающее лицо, именуемое доверительным собственником, к которому передается в управление имущество, в отношении которого он осуществляет контроль, и именуемое трастовым имуществом, для пользы лиц, именуемых бенефициарами. К трасту можно предъявить требование об исполнении обязанности» [3, с. 64]. Н. В. Соколова отмечает, что наиболее общее определение доверительного управления дал профессор Китон: «Отношение, которое порождается всякий раз, когда лицо, именуемое трасти, признается обязанным по праву справедливости сберегать имущество или права,

имущественные или личные, известные общему праву или праву справедливости, в пользу лиц, к числу которых он может принадлежать, именуемых *cestuis que trust*, или для достижения допускаемой законом цели, таким образом, что подлинную выгоду от имущества получает не трасти, а бенефициары или иные цели, во имя которых траст создан» [2].

Кроме того, в настоящий момент также есть подход к определению, который основывается на вещно-правовом аспекте института траста: например, Мариус Ж. Де Ваал отмечает, что траст должен быть определен с точки зрения разделения титула между доверительным управляющим (по общему праву) и бенефициаром (по праву справедливости) [9]. Иными словами, данное определение основано на исторических аспектах развития траста и не освещает современного экономического аспекта. Кроме того, оно является достаточно неточным, поскольку не отражает целей установления траста, не отражает способы его охраны и защиты, в отличие, например, от определения А. Андерхилла.

Также попытка выделения характерных признаков траста сделана на международном уровне. В 1985 г. была принята Гагская конвенция о праве, применимом к доверительной собственности и ее последующем признании, которая содержит ряд характерных признаков траста¹. Ст. 2 предусматривает, что в целях данной конвенции «доверительная собственность» относится к правовым отношениям, которые возникли по инициативе лица-учредителя при жизни или на случай смерти и в рамках которых активы переходят под контроль доверительного собственника в интересах бенефициара или в специальных целях. Кроме того, выделяется три особенности трастов (доверительной собственности):

«а) активы представляют собой отдельный фонд и не входят в состав имущества доверительного собственника;

б) право собственности на активы, находящиеся в доверительной собственности, принадлежит доверительному собственнику или другому лицу, действующему от имени доверительного собственника;

с) доверительный собственник наделен полномочиями и обязанностями, за исполнение которых он несет ответственность, по управлению, использованию или распоряжению активами на условиях доверительной собственности, а также имеет специальные обязанности, возложенные на него законодательством».

Отмечается, что перечисленные характерные признаки являются неким компромиссом, применимым как к общему праву, так и к континентальному праву [2]. В то же время, весьма распространено мнение, что конвенция может оказаться катализатором введения траста в национальное законодательство государств, ее ратифицировавших [9].

Несмотря на отсутствие легального определения траста в английском законодательстве или судебной практике, в доктрине все же сложился единый подход к пониманию траста как обязательства, в силу которого у трасти появляется обязанность по сбережению имущества, переданного в траст, в интересах третьего лица. Кроме того, была сделана достаточно успешная попытка к выделению характерных признаков траста не только как английского института, но также как конструкции, распространенной в системах англо-саксонского и романо-германского права.

Развитие применения трастов обусловило появление разных его видов, а соответственно и режимов таких трастов. Первая классификация была предложена во второй половине XVI века. Трасты делились на «явно выраженные» – созданные на основе волеизъявления сторон, трасты, созданные по решению суда или на основании судебного толкования, и

¹ Конвенция о праве, применимом к доверительной собственности и ее последующем признании: принята в Гааге 1 июля 1985 г. // «Консультант плюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=IN T&n=20010#06782083519144297> (дата обращения 15.04.2020).

«подразумеваемые» трасты. В настоящее время данная классификация трансформировалась в деление трастов на законные (возникающие в силу указания закона), явно выраженные трасты (возникающие в результате волеизъявления сторон доверительной собственности) и подразумеваемые трасты (созданные на основании судебного решения).

Еще одним основанием такого деления служит личность бенефициара, а соответственно трасты подразделяются на частные (в отношении конкретного лица или группы лиц) или благотворительные (устанавливаются в отношении конкретной социальной группы, а конкретная личность не имеет существенного значения).

Наиболее распространенной и важной для целей работы классификацией трастов, которая в том числе используется и в вышеупомянутой Гаагской конвенции о праве, применимом к доверительной собственности и ее последующем признании, является их деление на трасты прижизненные (*inter vivos*) и на случай смерти (*testamentary trusts*).

Прижизненный траст возникает по воле учредителя, при этом в качестве бенефициара он может назначить как третье лицо, так и самого себя. Соответственно, имущество, переданное в траст, с момента его передачи не является собственностью учредителя; у последнего сохраняется только титул на переданное имущество по общему праву, а бенефициар получает титул на такое имущество по праву справедливости. Даже при совпадении учредителя и бенефициара прижизненного траста, происходит расщепление права собственности. При этом после учреждения прижизненного траста у учредителя остается право устранить недостатки его функционирования, в завещательных трастах такая возможность у лица отсутствует в силу его учреждения после смерти последнего.

Трасты на случай смерти (завещательные трасты) учреждаются после смерти лица, их учредившего. Соответственно, учредитель назначает бенефициара или круг бенефициаров такого траста. Как уже упоминалось, в завещательные трасты нельзя внести изменения, воля учредителя должна быть исполнена в соответствии с целью, для которой траст был учрежден. Однако есть и преимущества завещательного траста: в силу невозможности уточнения целей и позиции учредителя вопрос о действительности и законности завещательных трастов решается в положительную сторону [2].

Кроме того, в практике и английском законодательстве определены критерии действительности трастов. Во-первых, наличие намерения создать именно траст. В случае наличия в завещании учредителя условия о завещательном отказе последний будет толковаться именно как абсолютное вещное право наследника, а не как институт траста. В большинстве случаев необходимо ясное выражение воли с использованием понятия «траст» для признания его законным.

Во-вторых, наличие предмета траста. В случае отсутствия определенности в составе имущества, передаваемого в траст, суд признает такой траст недействительным.

В-третьих, наличие объекта траста. Иными словами, в распоряжении об учреждении траста а должны быть указаны бенефициары. Это могут быть как конкретные лица, так и социальные группы, в зависимости от вида траста (частный или благотворительный). В случае учреждения траста в отношении нескольких бенефициаров их права также должны быть определены, иначе траст будет признан недействительным.

Кроме того, Э. Дженкс отмечал, что помимо доверительного собственника, бенефициара и собственности, которая является предметом владения или управления, также элементом траста является «добросовестно принятое на себя обязательство доверительного собственника или доверительных собственников владеть или управлять этим имуществом» [7]. Иными словами, доверительный собственник не может распоряжаться таким имуществом также свободно, как своей личной собственностью.

Формирование института траста носило длительный характер и первоначально обуславливалось необходимостью преодоления законодательных ограничений распоряжения имуществом. Отсутствие в английском законодательстве понятия траста компенсируется судебной практикой и выработкой этого понятия представителями доктрины. Кроме того, отсутствие такого легального определения не создает препятствий для предъявления требований об учреждении траста. В настоящий момент конструкция траста используется не только в странах общего права, делаются попытки ее признания и странами континентальной системы права, о чем свидетельствует принятие Гаагской конвенции.

В свою очередь, как отмечает С. Л. Будылин, концепция некоммерческого фонда, который основывается не на членстве в отличие от инвестиционных фондов, известна континентально-европейскому правопорядку и является приблизительным аналогом английского института траста. И если трасты могут быть как благотворительными, так и частными, то европейские страны в меньшей степени признают существование таких частных фондов [10, с. 623–624].

В силу существования в России фондов, преследующих благотворительные, культурные, образовательные или иные социальные и общественно полезные цели (или благотворительные фонды с вышеприведенной классификацией), вступившие в силу 1 сентября 2018 г. положения о наследственных фондах можно условно отнести к частным фондам.

Наследственный фонд в РФ появился только в связи с принятием и вступлением в силу Федерального закона от 29.07.2017 г. № 259-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – ФЗ от 29.07.2017 г. № 259-ФЗ).

Предложения об изменении положений Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) в части совершенствования наследственного права были внесены в Государственную Думу РФ в 26 мая 2015 г. проектом федерального закона «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – законопроект)². В данном законопроекте помимо изменения норм о нотариате и введения в действие совместного завещания супругов, наследственного договора, предусматривалось создание фонда. Стоит отметить, что положения п. 5 ст. 1 законопроекта устанавливали следующее – «Гражданин может учредить фонд, управление которым должно осуществляться бессрочно или в течение определенного срока в соответствии с условиями управления, указанными в уставе фонда или ином внутреннем документе (пункт 5 статьи 52 настоящего Кодекса). Условия управления фондом могут включать в себя положения о передаче третьим лицам всего или части имущества фонда, в том числе при наступлении обстоятельств, относительно которых неизвестно, наступят они или нет. Условия управления фондом не могут быть изменены после смерти гражданина, являвшегося учредителем фонда»³. Иными словами, было внесено предложение о введении в действие в Российской Федерации фонда, который может быть создан при жизни учредителя и в последующем функционировать после его смерти. При этом в пояснительной записке к законопроекту отмечается, что такие фонды не носят широко специализированный характер, то есть могут применяться не только для передачи бизнеса наследниками, но также в благотворительных и иных целях. Кроме того, законодатель подчеркивает, что введение данной конструкции не является чуждым опытом

² О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации: Законопроект № 801269-6 // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/801269-6> (дата обращения 20.04.2020).

³ О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в части совершенствования наследственного права): Проект федерального закона // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/801269-6> (дата обращения 20.04.2020).

для стран континентального права, поскольку конструкция специального фонда широко используется в западноевропейских правовых системах⁴.

В тексте законопроекта, представленном ко второму чтению, предусматривалось создание уже наследственного фонда. Иными словами, Государственная дума РФ в рамках предложенных изменений о создании фонда ограничилась созданием наследственного фонда, отложив идею личных фондов. Любопытно, что еще до вступления ФЗ от 29.07.2017 г. № 259-ФЗ в силу уже началось [10, с. 622] рассмотрение законопроекта № 499538-7⁵ о личных фондах, который предусматривает переименование в настоящий момент существующих фондов в общественно полезные фонды, отмену положений о наследственном фонде и принятие новых норм о «личных фондах» - которые могут быть как прижизненными, так и наследственными. В соответствии с такими изменениями, фонды будут соответствовать классификации трастов: созданные при жизни и на случай смерти. Однако законопроект о личных фондах все еще находится на стадии рассмотрения, что может свидетельствовать об опасениях законодателя по вводу нового инструмента.

Таким образом, инициатива введения фондов в Российской Федерации была основана, в том числе и на западноевропейских традициях, хотя и претерпела значительные изменения в ходе рассмотрения законопроекта в Государственной Думе РФ. Но, тем не менее, необходимо отметить готовность законодателя внедрять новые институты, которые не являются характерными исключительно для семьи континентального права. Вместе с тем внесение в Государственную Думу РФ законопроекта о личных фондах, рассмотрение которого проходит медленно, позволяет говорить о возможных новых изменениях в цивилистике.

В соответствии с ГК РФ наследственный фонд является некоммерческой унитарной организацией. Вместе с тем в доктрине существует явно выраженное мнение, в соответствии с которым наследственный фонд отличается от остальных форм не столько организационно-правовой формой, сколько способом управления [1, с. 9], [11]. Такого мнения придерживается и П. В. Крашенинников [12], который является одним из разработчиков данной реформы.

В соответствии со ст. 120.20-1 ГК РФ наследственным фондом признается создаваемый во исполнение завещания гражданина и на основе его имущества фонд, осуществляющий деятельность по управлению полученным в порядке наследования имуществом этого гражданина бессрочно или в течение определенного срока в соответствии с условиями управления наследственным фондом.

Первым аспектом для раскрытия наследственного фонда в России является его место в системе организационно-правовых форм юридических лиц.

Первое положение о наследственном фонде содержится в ст. 123.7 ГК, которая устанавливает, что его правовое положение определяется общими положениями о фондах, но с учетом особенной, предусмотренных блоком ст. 123.20-1–123.20-3 ГК РФ. Цели и специфические особенности деятельности в ГК РФ не уточняются, наследственный фонд является специализированным не в силу закона, а в силу завещания и устава, составленного наследодателем, который и будет определять характер деятельности фонда. Вместе с тем наследственный фонд призывается к наследованию по завещанию (п. 2 ст. 123.20-1 и п.1 ст. 1126 ГК РФ).

4 О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части совершенствования наследственного права): Пояснительная записка к проекту федер. закона // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/801269-6> (дата обращения 20.04.2020).

5 О внесении изменений в гл. 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Законопроект № 499538-7 // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/499538-7> (дата обращения 20.04.2020).

Важно отметить специфический характер создания наследственного фонда. Во-первых, наследственному фонду присущ нормативно-явочный порядок создания: необходимо только волеизъявление наследодателя, нет необходимости разрешения органов государственной власти или органов местного самоуправления [11]. Во-вторых, воля наследодателя на создание наследственного фонда возникает еще при его жизни, но учреждение фонда и начало его деятельности, то есть внесение записи в ЕГРЮЛ, допустимо только после смерти наследодателя. Кроме того, характер управления не подчиняется общим правилам об управлении фондом (ст. 123.19 ГК РФ), а устанавливается исключительно наследодателем. Возникает следующий диссонанс: с одной стороны, наследодатель может составить завещание и возложить на наследника создание фонда в благотворительных и иных общепользовательных целях (ст. 1139 ГК РФ), где способ управления будет определяться общими положениями ГК РФ, а с другой стороны – самостоятельно установить порядок управления. Во втором случае у наследодателя также есть возможность расширить сферу использования наследственного фонда – не в общепользовательных целях, а в коммерческих целях (управление бизнесом и так далее). Кроме того, фонд может создаваться как на бессрочный период, так и на определенный срок. Иными словами, форма наследственного фонда как юридического лица подойдет скорее для распоряжения на случай смерти в коммерческих целях, поскольку наследодатель заинтересован в существовании и деятельности его «проекта», нежели в общепользовательных целях, поскольку, во-первых, уже установлены общие положения об управлении, а, во-вторых, процесс создания фонда будет усложнен.

Второй специфической чертой, связанной с созданием наследственного фонда, является особенность содержания завещания наследодателя. Во-первых, в силу своей специфики содержание не может быть закрытым: в соответствии с п. 5 ст. 1126 ГК РФ закрытое завещание, условия которого предусматривают создание фонда, ничтожно. Помимо воли наследодателя на создание наследственного фонда, завещание также должно включать решение завещателя об учреждении наследственного фонда, устав фонда, а также условия управления наследственным фондом (п. 2 ст. 123.20-1 ГК РФ). Кроме того, ГК РФ установлено, что положения устава наследственного фонда не могут быть изменены иначе как на «основании решения суда по требованию любого органа фонда в случаях, если управление наследственным фондом на прежних условиях стало невозможно по обстоятельствам, возникновение которых при создании фонда нельзя было предполагать, а также в случае, если будет установлено, что выгодоприобретатель является недостойным наследником, если только это обстоятельство не было известно в момент создания наследственного фонда» (п. 5 ст. 123.20-1 ГК РФ).

Третьей особенностью можно назвать имущественную составляющую наследственного фонда. Во-первых, имущество фонда формируется в ходе осуществления собственной деятельности, а безвозмездная передача имущества в собственность наследственного фонда запрещена (п. 3 ст. 123.20-1 ГК РФ). Во-вторых, отчет об использовании имущества подлежит опубликованию только в случае наличия такого положения в условиях управления, утверждаемых наследодателем. Кроме того, поскольку законодательством не урегулирован минимальный размер имущества для создания наследственного фонда, то данное положение отдано на волю наследодателя. Вместе с тем, европейским законодательством установлен минимальный размер уставного фонда – в Германии от 50 000 евро, в Лихтенштейне – от 27 000 евро, в Швейцарии – от 44 000 евро [13]. И установление таких размеров обуславливается разными факторами, в том числе: необходимостью достижения цели фонда, необходимостью управления имуществом органами наследственного фонда и получения прибыли его выгодоприобретателем [14, с. 87].

Отличительной чертой наследственного фонда является также его статус как наследника. В соответствии с положениями ГК РФ наследственный фонд является универсальным правопреемником, как и любой иной наследник, а соответственно отвечает по долгам наследодателя в случае предъявления к нему требований кредитора.

Иными словами, приходим к выводу, что наследственный фонд – это не некоммерческая организация, преследующая общепользные цели. С большой долей вероятности учреждение наследственного фонда будет преследовать цели управления бизнесом или иные коммерческие цели. Кроме того, в отличие от фонда имущество наследственного фонда не может состоять из добровольных взносов. Кроме того, на наследственный фонд не распространяется ни общий порядок изменения устава фонда, ни общий порядок управления фондом, ни общий порядок публикации отчета об использовании имущества. С учетом специальных норм о наследственном фонде можно прийти к выводу о невозможности применения к нему общих положений о фондах; единственным критерием, связывающим две организационно-правовые формы, является название, в остальном они отличаются. Более того, в таких условиях сложно говорить о некоммерческом характере фонда [15]. Кроме того, отмечается, что наследственный фонд в системе юридических лиц определяется как «хитрое и тайное юридическое лицо, живущее по собственноручно установленным завещателем правилам, которое должно занимать совершенно обособленное место, не являясь однозначно некоммерческой организацией» [16].

Таким образом, положения ГК РФ, регулирующие наследственный фонд, исключили применимость общих положений о фонде в части управления и формирования имущества наследственного фонда. Специфичность его организационно-правовой формы вызывает ряд опасений, которые связаны с самовольностью установления правил наследодателем и последующей деятельностью наследственного фонда.

В свою очередь, данные Федеральной нотариальной палаты РФ свидетельствуют, что за первый год существования института наследственного фонда было зарегистрировано 556 завещаний [17], предусматривающих их создание; при этом общее количество завещаний составило порядка 533 тысяч [18]. Иными словами, лишь в 0,1% случаев наследодателем в своем завещании было предусмотрено создание наследственного фонда. Кроме того, в Федеральной нотариальной палате РФ отмечают, что наследственные фонды пока существуют только в проектах, с практическими аспектами создания нотариусы еще не столкнулись. Это подтверждается и отсутствием сведений о существующих наследственных фондах в Едином государственном реестре юридических лиц.

Отсутствие практики учреждения наследственных фондов у нотариусов порождает отсутствие судебной практики. С одной стороны, наследственный фонд не является «новеллой», функционирование которой можно увидеть в ближайшее время после введения норм, его учреждение требует наступления обстоятельств, не зависящих от воли сторон. С другой стороны, невозможность преодолеть проблемы, с которыми можно столкнуться непосредственно на стадии создания наследственного фонда, еще на стадии волеизъявления лица может приостановить развитие данного института в России.

На основании вышеизложенного можно только предположить, какие проблемы на практике могут возникнуть в связи с учреждением и деятельностью наследственного фонда в Российской Федерации.

Во-первых, как уже ранее упоминалось, не установлен минимальный размер уставного капитала имущества, то есть может возникнуть проблема с невозможностью осуществления деятельности наследственным фондом в связи с недостаточностью имущества.

Во-вторых, возникает вопрос о возможных правовых последствиях отказа в регистрации наследственного фонда. В соответствии с законодательством регистрирующий орган вправе

отказать в регистрации в случае несоответствия поданных документов действующему законодательству. В частности, документы на предмет соответствия их законодательству о наследственном фонде, на которые распространяется режим нотариальной тайны, проверяются нотариусом в момент составления завещания. Отмечается, что отсутствие регулирования о допустимости согласования документов с Министерством юстиции РФ, которое является реестродержателем, может повлечь за собой нарушение нотариальной тайны, а действующим законодательством данный вопрос не решен [1, с.10].

Кроме того, положениями ГК РФ установлено, что при ликвидации фонда имущество поступает выгодоприобретателю, однако не предусмотрено, какие последствия будут применимы к имуществу, передаваемому наследственному фонду, в случае отказа в регистрации в связи с невозможностью формирования исполнительных органов [19]. Некоторые юрист предлагают внести положение о наследовании имущества по закону, в случае невозможности регистрации наследственного фонда [14, с. 84].

Возникают вопросы применения норм о наследственном фонде ввиду отсутствия достаточного регулирования этого института гражданским законодательством. ГК РФ не содержит достаточного количества положений о фонде, требуется более детальная регламентация механизма реализации норм о наследственном фонде. В то же время вопросы учреждения и содержания сведений о наследственном фонде в публичном реестре требуют регламентации не только ГК РФ, но и публичными отраслями права, поскольку деятельность регистрирующих органов (в том числе и Министерства юстиции РФ) не предусматривает отступления от принципа публичности ЕГРЮЛ с учетом особенностей конфиденциального характера наследственного фонда.

Вопрос об отнесении наследственного фонда к трансформировавшемуся институту траста достаточно спорен. Отмечается, что наследственный фонд содержит в себе признаки одновременно нескольких «субъектов права» – и вышеупомянутого траста, и доверительного управляющего, и душеприказчика [1, с. 11]. Однако большинство правоведов являются сторонниками квалификации наследственного фонда как российской формы траста.

Траст, закрепленный в английском праве уже не первое столетие, доказывает свою эффективность и необходимость существования в качестве инструмента управления имуществом. В то же время наследственный фонд только начинает использоваться. Вышеприведенные данные статистики свидетельствуют об отсутствии большого числа завещаний, предусматривающих создание наследственных фондов, при этом в Великобритании на сентябрь 2019 г. действует 149 тысяч трастов, включая наследственные и прижизненные. Данный показатель может свидетельствовать об актуальности траста, а соответственно, – о возможном регулярном создании наследственного фонда для аналогичных целей в Российской Федерации. Однако необходимо учитывать особенности российского института, а далее – и возможные тенденции в развитии наследственного фонда с учетом следующих особенностей российского и английского траста.

Во-первых, существенно различается их статус в правовых системах. Английское право (в силу своей специфики), и международное право относят траст или фонд скорее к обязательствам или отношениям, вытекающим из этого обязательства, в России же наследственный фонд прежде всего является юридическим лицом.

Во-вторых, действующее российское законодательство предусматривает только так называемый траст на случай смерти (наследственный фонд). Законодательный орган в лице Государственной Думы РФ частично отказался от инициативы внедрения прижизненного траста (личного фонда) в национальное законодательство, выделив рассмотрение изменения ГК РФ в части личного фонда в отдельный законопроект.

В-третьих, существенные различия в процедуре создания траста и фонда. Английское законодательство не предъявляет «жестких» требований к созданию траста – достаточно выраженного волеизъявления лица. Российское регулирование учреждения наследственного фонда требует от наследодателя не только выражения желания создать такой фонд, но также установить порядок управления и составить основной документ юридического лица, деятельность которого ему будет неподконтрольна, а соответственно, у наследодателя и, как правило у выгодоприобретателя и органов управления, отсутствует возможность внесения изменений в устав юридического лица.

В-четвертых, выступая сингулярным правопреемником, наследственный фонд отвечает по долгам наследодателя в отличие от траста, к которому не могут быть предъявлены требования кредиторов завещателя.

В-пятых, английское законодательство устанавливает предельный срок действия траста – не более ста лет, траст также может быть ликвидирован в связи с достижением цели его создания или по требованию наследника с передачей ему имущества траста. Однако российское законодательство является более гибким в отношении сроков действия наследственного фонда – он может быть как срочным, так и бессрочным, но его ликвидация возможна только на основании решения суда по иску государственного органа или в связи с истечением срока действия) [19].

В-шестых, для трастового договора характерна абсолютная конфиденциальность. Исключением из этого правила является обнародование информации, содержащейся в договоре, по поручению или на основании решения суда. В это же время возникает вопрос о возможности соблюдения конфиденциальности в Российской Федерации, поскольку нормы действующего законодательства предусматривают отражение данных о юридическом лице, в том числе и наследственном фонде, в Едином государственном реестре юридических лиц, однако ГК РФ не установил какие именно данные о наследственном фонде должны быть отражены в реестре, а какие будут доступны по запросу [20].

В целом наследственный фонд представляется на данный момент достаточно неясным. С одной стороны, в ГК РФ предусмотрены общие нормы о наследственном фонде, которые определяют его сущность и порядок создания. С другой стороны, возникает все больше вопросов относительно существования данного института и его практической применимости в будущем, в том числе и ввиду отсутствия возможности управления наследственным фондом при жизни наследодателя.

Юристы высказываются о необходимости принятия специального федерального закона о наследственных фондах, который будет более детально регулировать их деятельность [21], или о дополнении существующих положений ГК РФ. Кроме того, юристами активно приветствуется [22] введение в российское законодательство личных фондов, которые могут уточнить механизм действия (порядок учреждения, характер управления прижизненным фондом и образование органов управления прижизненного фонда, вопросы фидуциарных обязанностей), в том числе и наследственных фондов, а также поспособствуют учреждению и деятельности в России трастовых институтов. Кроме того, введение в действие личных фондов (прижизненные фонды и фонды на случай смерти) позволит устранить коллизию существующих норм ГК РФ о фондах и наследственных фондах.

Сопоставление данных институтов имеет место, наследственный фонд по общим чертам соответствует идее английского траста. Однако российское законодательство предусматривает ряд особенностей, среди которых: гражданско-правовой статус наследственного фонда как юридического лица в отличие от трастового договора, более сложный порядок его создания и учреждения, который требует не только волеизъявления наследодателя, но также подготовку

устава наследственного фонда, решение завещателя о его создании и условия управления. Кроме того, траст не отвечает по долгам наследодателя, в то время как наследственный фонд может отвечать по требованиям кредиторов.

Тем не менее, наследственный фонд – новый институт российского права, учреждение на следственных фондов будет требовать достаточного количества времени. Выявление проблем применения положений о наследственном фонде на данном этапе и их решение посредством внесения изменений в Гражданский кодекс РФ или принятие специального федерального закона позволит избежать в будущем многочисленных судебных тяжб. Кроме того, тенденция законодателя по внесению в ГК РФ в том числе норм о личном фонде (или пожизненном трасте) позволит также усовершенствовать действующие нормы. Иными словами, введение в российское законодательство единого института фонда, который может быть создан как при жизни, так и на случай смерти, может повысить «рентабельность» данных норм.

Библиографический список

1. Горина Н. В. Перспективы развития трастовой конструкции наследственного фонда в гражданском праве Российской Федерации // Юридическая наука и практика. 2019. Т. 15. № 1. С. 7–11.
2. Соколова Н. В. Доверительная собственность (траст) в континентальной Европе. URL: http://ivo.garant.ru/proxy/share?data=q4Og0aLnpN5Pvp_q1YqxjK_xqzXt9W_qeqZArPhscyz5LvQp-KQ1LTO_tCj3w6j9PKe8Jy1yaDXotGjn-ur87fgk-CT5KPiggL8nfLRvuOk7rTmpOe52POx8IwX57PggeG2rQ (дата обращения: 06.04.2020)
3. Паничкин В. Б. Англо-американское трастовое право: монография. – М.: Проспект, 2020. – 544 с.
4. Гражданское и торговое право капиталистических государств // «Наука права», 1966. – 552 с. // URL: <https://naukaprava.ru/catalog/435/708/41936?view=1> (дата обращения: 05.04.2020).
5. Скорик Д. Д. Вопросы правового регулирования наследственного фонда в России // Материалы международной научно-практической конференции 2019 «Новеллы права и политики». URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37309611> (дата обращения: 07.04.2020).
6. Maurizio Lupoi. The Civil Law Trust // 32 Vanderbilt Journal of Transnational Law. p. 975.
7. Джэнкс, Э. Английское право: Источники права; Судостроительство; Судопроизводство; Уголовное право; Гражданское право // Ученые труды Всесоюзного института юридических наук Министерства юстиции СССР; Вып. 11. Изд-во Минюста СССР, 1947. – 378 с. URL: <http://www.law.edu.ru/script/cntSource.asp?cntID=100137528> (дата обращения: 14.04.2020).
8. George P. Costigan Jr. The Classification of Trusts as Express, Resulting and Constructive // 27 Harvard Law Review 437, p. 450.
9. Marius J. De Waal. Comparative Succession Law // The Oxford Handbook of Comparative Law (2nd edn). URL: <https://proxylibrary.hse.ru:4334/view/10.1093/oxfordhb/9780198810230.001.0001/oxfordhb-9780198810230-e-34?rskey=PGKBwt&result=2#oxfordhb-9780198810230-e-34-note-4381> (дата обращения: 14.04.2020).
10. Наследственное право: постатейный комментарий к статьям 1110–1185, 1224 Гражданского кодекса Российской Федерации // отв. ред. Е. Ю. Петров. – М.: М-Логос, 2018. – 656 с.
11. Гришаев С. П. Наследственные фонды как субъекты наследственного правопреемства // Журнал «Гражданин и право», 2018. № 9. URL: <https://internet.garant.ru/#/>

- document/77573682/paragraph/1/highlight/Гришаев%20С.%20П.%20Наследственные%20фонды%20как%20субъекты%20наследственного%20правопреемства.%20Журнал:2 (дата обращения: 14.05.2020).
12. Крашенинников П. В. Наследство до востребования // Российская газета. 2017. № 7334 (168). URL: <https://rg.ru/2017/07/31/krashennikovnasledstvennyj-fond-novuyj-sposob-upravleniia-imushchestvom.html> (дата обращения: 13.05.2020).
 13. Алексеева Ю. С. Наследственный фонд как новый правовой институт гражданского права России. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37283766> (дата обращения 18.05.2020).
 14. Карташов М. А. Наследственный фонд: новое российское законодательство и иностранный опыт // Современное право, 2017. № 10. С. 83–90.
 15. Щенникова Л. В. Наследственный фонд как новелла российского гражданского права. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32278491> (дата обращения: 18.05.2020).
 16. Микрюков В. А., Микрюкова Г. А. Гражданско-правовой статус наследственного фонда. URL: <https://demo.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=9940181720411037330395019&cacheid=A211B63C8B510BBECA02CCBE36B9D39&mode=splus&base=СЛ&n=119905&rnd=5B67608DB46258853AAA0373CAF900BD#2p6cpw0iqbo> (дата обращения: 18.05.2020).
 17. Эксперты нотариата о наследственном и семейном праве в контексте управления бизнесом. URL: <https://notariat.ru/ru-ru/news/eksperty-notariata-o-nasledstvennom-i-semejnom-prave-v-kontekste-upravleniya-biznesom> (дата обращения: 18.05.2020).
 18. Россияне все больше интересуются возможностью совместного составления завещаний. URL: <https://notariat.ru/ru-ru/news/rossiyane-vse-bolshe-interesuyutsya-vozmozhnostyu-sovmestnogo-sostavleniya-zaveshanij> (дата обращения: 18.05.2020).
 19. Хованова С. В. Наследственный фонд как новелла в Гражданском законодательстве Российской Федерации // Материалы международной научно-практической конференции 2019 «25 лет Гражданскому кодексу Российской Федерации: традиции и новации частного правового развития». URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42522377> (дата обращения: 18.05.2020).
 20. Коскина Э. Может ли российский наследственный фонд соперничать с иностранным трастом. URL: <https://www.vedomosti.ru/finance/blogs/2019/07/02/804792-mozhet-li-rossiiskii-nasledstvennii-fond> (дата обращения: 19.05.2020).
 21. Зеновина В. Наследственные фонды: первые вопросы о не вступивших в силу нормах ГК РФ. URL: <http://www.garant.ru/news/1188567/> (дата обращения: 19.05.2020).
 22. Будылин С. Личный фонд: от наследственного к прижизненному. URL: https://zakon.ru/blog/2018/7/26/lichnyj_fond_ot_nasledstvennogo_k_prizhiznennomu (дата обращения: 19.05.2020).

References

1. N. V. Gorina, *Prospects of Development of Trust Structure of the Hereditary Fund in Civil Law of the Russian Federation* (2019) *Legal Science and Practice* 15(1), at 7–11.
2. N. V. Sokolova, *Trust Property (Trust) in Continental Europe*, Infotropic Media, 2012, http://ivo.garant.ru/proxy/share?data=q4Og0aLnpN5Pvp_qlYqxjK_xqzXt9W_qeqZArPhscy-z5LvQp-KQ1LTO_tCj3w6j9PKе8Jy1yaDXotGjn-ur87fgk-CT5KPiggL8nfLRvuOk7rTm-pOe52POx8IwX57PggeG2rQ== (assessed: April 6, 2020).
3. V. B. Panichkin, *Anglo-American Trust Law: the Monograph*, Prospect, 2020, at 544, <http://proxylibrary.hse.ru:4881/book/42837> (assessed: April 6, 2020).

4. *Civil and Commercial Law of Capitalist States*, Nauka Prava, 1966, at 552, <https://naukaprava.ru/catalog/435/708/41936?view=1> (assessed: April 5, 2020).
5. D. D. Skorik, *Issues of Legal Regulation of Inheritance Fund in Russia*, Materials of the International Scientific-Practical Conference 2019 “Novels of Law and Politics”, 2019, <https://elibrary.ru/item.asp?id=37309611> (assessed: April 7, 2020).
6. Maurizio Lupoi, *The Civil Law Trust*, 32 Vanderbilt Journal of Transnational Law, 1999, at 975.
7. E. Jenks. *English Law: Sources of Law; Court Management; Proceedings; Criminal Law; Civil Law* (1947), (translated by L. A. Lunz; Scientific works of All-Union Institute of Legal Sciences of the Ministry of Justice of the USSR 11), at 378 <http://www.law.edu.ru/script/cntSource.asp?cntID=100137528> (assessed: April 14, 2020)
8. George P. Costigan Jr., *The Classification of Trusts as Express, Resulting and Constructive*, 27 Harvard Law Review, at 437, 450.
9. Marius J. De Waal, *Comparative Succession Law. The Oxford Handbook of Comparative Law* (2nd edn), <https://proxylibrary.hse.ru:4334/view/10.1093/oxfordhb/9780198810230.001.0001/oxfordhb-9780198810230-e-34?rskey=PGKBwt&result=2#oxfordhb-9780198810230-e-34-note-4381> (assessed: April 14, 2020).
10. E. Yu. Petrov(ed.), *Inheritance Law: Article-by-Article commentary on Articles 1110-1185, 1224 of the Civil Code of the Russian Federation*, M-Logos, 2018, at 656.
11. S. P. Grishaev, *Inheritance Funds as Subjects of Hereditary Succession*. Journal “Citizen and Law”(9), <https://internet.garant.ru/#/document/77573682/paragraph/1/highlight/Гришаев%20С.%20П.%20Наследственные%20фонды%20как%20субъекты%20наследственного%20правопреемства.%20Журнал:2> (assessed: April 14, 2020).
12. P. V. Krashenninikov, *Demanded Inheritance (in Russian)*, Rossiyskaya gazeta 7334(168), 2017, <https://rg.ru/2017/07/31/krashenninikovnasledstvennyj-fond-novyj-sposob-upravleniya-imushchestvom.html> (assessed: April 13, 2020).
13. Y. S. Alekseeva, *Hereditary Fund as a New Legal Institution of Civil Law in Russia*, <https://elibrary.ru/item.asp?id=37283766> (assessed: April 18, 2020).
14. M. A. Kartashov. *Hereditary Fund: New Russian Legislation and Foreign Experience*, Modern law 10, 2017, at 83–90.
15. L. V. Shchennikova. *Hereditary Fund as a Novelty of the Russian Civil Law*, “Hereditary law”, <https://elibrary.ru/item.asp?id=32278491> (assessed: April 18, 2020).
16. V. A. Mikriukov, G. A. Mikriukova. *Civil Law Status of the Inheritance Fund*, <https://demo.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=99401817204110373303950019&cacheid=A211B63C8B510BBECA02CCCBE36B9D39&mode=splus&base=CJI&n=119905&rnd=5B67608D-B46258853AAA0373CAF900BD#2p6cpw0iqbo> (assessed: April 18, 2020).
17. *Experts of Notariat on Inheritance and Family Law in the Context of Business Management*, <https://notariat.ru/ru-ru/news/eksperty-notariata-o-nasledstvennom-i-semejnom-prave-v-kontekste-upravleniya-biznesom> (assessed: April 18, 2020).
18. *Russians are Increasingly Interested in the Possibility of Joint Drafting Wills*, <https://notariat.ru/ru-ru/news/rossiyane-vse-bolshe-interesuyutsya-vozmozhnostyu-sovmestnogo-sostavleniya-zaveshanij> (assessed: April 18, 2020).
19. S. V. Hovanova, *The Hereditary Fund as a Novelty in the Civil Law of the Russian Federation*, Materials of the International Scholar and Practical Conference 2019. 25 years of the Civil Code of the Russian Federation: Traditions and Innovations of Private Legal Development, <https://elibrary.ru/item.asp?id=42522377> (assessed: April 18, 2020).
20. E. Koskina, *Can the Russian Inheritance Fund Compete with a Foreign Trust*, <https://www.vedomosti.ru/finance/blogs/2019/07/02/804792-mozhet-li-rossiiskii-nasledstvennii-fond> (assessed: April 19, 2020).

21. V. Zenovina, *Inheritance Funds: First Questions about Norms of the Civil Code of the Russian Federation That Have not Come into Force*, <http://www.garant.ru/news/1188567/> (assessed: April 19, 2020).
22. S. Budylin, *Personal Fund: from Hereditary to Lifetime*, https://zakon.ru/blog/2018/7/26/lichnyj_fond_ot_nasledstvennogo_k_prizhiznennomu (assessed: April 19, 2020).